

ПРЕДЕЛ ПРОЧНОСТИ

POMAH

Василий Денисов

Предел прочности

<https://litres.ru/74608562>

SelfPub; 2026

Аннотация

Семнадцатилетний Арсений Лазарев, тихий гений физики из бедной семьи медсестры, попадает по олимпиадной квоте в элитный загородный лицей «Верховино». За закрытыми чугунными воротами и мраморными фасадами царит жесткая кастовая иерархия «золотой молодежи». Сеня мечтает стать невидимкой, переждать год и уехать в университет, но случайный триумф у доски превращает его в личного врага Романа Соколовского — негласного хозяина школы и сына влиятельного строительного магната.

Против чужака разворачивается изощренная психологическая война: бойкот, шантаж и подстроенные аварии. Единственной союзницей Арсения становится Ника — первая красавица школы, чью судьбу семья продает в брак по расчету. Вместе они раскрывают тайну гибели прошлого стипендиата: школьный парк скрывает токсичный могильник корпорации Соколовских, отравляющий грунтовые воды.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Василий Денисов

Предел прочности

Глава

Глава 1. Закон сохранения инерции

В механике всё просто: тело сохраняет состояние покоя или равномерного прямолинейного движения до тех пор, пока внешние силы не выведут его из этого равновесия. Сеня помнил эту формулировку наизусть — не потому, что зубрил к олимпиадам, а потому что в ней крылась величайшая милость природы. Если не трогать мир, мир, по логике вещей, не должен трогать тебя.

Но мир за окном рейсового автобуса «Икарус» плевать хотел на законы Ньютона.

Автобус кашлял сизым чадом, трясся на стыках бетонки и с каждым километром увозил Арсения всё дальше от привычного спального района — от девятиэтажек из серой крошки, от вечно перекопанного двора у метро «Пионерская» и от маминых нервных пальцев, пахнущих хлоркой и детской больничной мазью. Мама провожала его в шесть утра. Она настойчиво совала ему в карман ветровки бумажный кулек с жареными пирожками с картошкой, поправляла воротник его старой куртки и повторяла одно и то же:

— Сеня, ты только не спорь там ни с кем. Учись. У тебя голова золотая, господи, хоть бы не сглазить. Это же шанс, Сеня. Сам губернаторский фонд грант выделил. Там такие люди... Ты среди них выбьешься. Главное — будь тише.

Сеня умел быть тихим. Это было его единственным врожденным талантом, помимо умения в уме пересчитывать векторные поля и раскладывать сложные спектры. Он кивал, прятал пирожки в глубь рюкзака — молния расходилась на третьем звене, приходилось придерживать ее пальцем, — и смотрел, как за спиной матери медленно гаснут тусклые фонари их улицы.

Теперь автобус затормозил у чугунных ворот, и гидравлика протяжно вздохнула.

— Конечная, парень. «Верховино». Давай на выход, дальше шлагбаум, меня туда не пустят, — буркнул водитель, даже не повернув головы.

Сеня закинул рюкзак на плечо, подхватил тяжелую спортивную сумку с выцветшей надписью «Динамо» — ручка больно врезалась в ладонь через тонкую перчатку, — и шагнул на гравий.

Туман здесь был густым, влажным и холодным. Он стекал с вековых сосен, цеплялся за верхушки кованых решеток и пах мокрым гранитом и дорогим бензином. Лицей «Верховино» прятался в сосновом бору в сорока километрах от города, на берегу глубокого ледникового озера. До революции здесь была усадьба промышленников, в девяностые —

закрытый санаторий управления делами, а десять лет назад территорию выкупил совет попечителей, куда входили фамилии из первой сотни списков влиятельнейших людей страны.

Сеня стоял перед воротами и чувствовал себя так, словно его поместили под стеклянный колпак вакуумного насоса: воздух казался разреженным, давящим на барабанные перепонки.

Мимо него, хрустя свежим гравием, бесшумно скользнул длинный матовый внедорожник. Стекла были наглухо тонированы. Машина замерла у КПП, шлагбаум приветливо взметнулся вверх, и охранник в строгой форме с выправкой армейского офицера слегка наклонил голову. Следом мягко подкатил еще один автомобиль — серебристый спортивный седан, из приоткрытого окна которого доносился приглушенный бас хип-хопа.

Сеня сделал глубокий вдох, поправил лямку сумки и пошел к пешеходной калитке.

— Документы, — охранник за бронированным стеклом будки даже не взглянул на его лицо, только на протянутый паспорт и сложенное вчетверо гарантийное письмо от попечительского совета.

Пальцы мужчины быстро пробежались по клавиатуре. Сканер пискнул. Взгляд охранника наконец поднялся от монитора — цепкий, оценивающий, скользнувший по стоптаным кроссовкам Сени, потертым на коленях джинсам и сум-

ке с облупившейся краской. В этом взгляде не было злобы. Хуже — там было мгновенное, машинальное распределение по классу опасности и полезности. Нулевая полезность. Нулевая угроза.

— Арсений Лазарев? Стипендиат по квоте точных наук?

— Да.

— Проходи. Административный корпус прямо по аллее, здание с колоннами. Кабинет тринадцать, канцелярия. Сумку на ленту интроскопа.

Через пять минут Сеня уже шел по центральной аллее. Лицей подавлял масштабом. Здесь не было ничего общего со школой номер сорок восемь, где на лестницах пахло подгорелой кашей и сырыми тряпками, а на подоконниках третьего этажа старшеклассники тайком курили электронные сигареты. В «Верховино» царила пугающая, стерильная симметрия. Идеально подстриженный газон, ровные серые дорожки из шлифованного камня, отреставрированные классические фасады желтого цвета с белой лепниной, соединенные между собой стеклянными галереями-переходами. Старое и новое срослось здесь в нечто монолитное, не знающее износа.

По аллее навстречу шли ученики. До начала вводной линейки оставалось полчаса, и кампус оживал. Они двигались стайками, переговаривались негромко, уверенно, с той особой небрежностью, которая дается только годами сытой, абсолютно защищенной жизни. Темно-синие шерстяные блейзеры с серебряной вышивкой герба на груди сидели идеаль-

но — явно шитые на заказ в городских ателье, а не взятые со склада готовой формы. Девушки смеялись, прикрывая губы ухоженными пальцами, парни небрежно держали в руках последние модели телефонов и планшеты в кожаных чехлах.

Когда Сеня проходил мимо одной из таких групп, разговор на секунду оборвался. Никто не свистнул, никто не крикнул оскорбления — это было бы слишком плебейски для этого места. Просто двое высоких парней в расстегнутых пиджаках синхронно скользнули по нему взглядом и так же синхронно отвели глаза, будто наткнулись на пустое место, на трещину в асфальте или бродячую кошку. Зона отчуждения радиусом в полтора метра образовалась вокруг Сени сама собой.

«Поверхностное натяжение, — отрешенно подумал он, глядя под ноги. — Чужеродная частица не смачивается жидкостью. Она просто плавает на поверхности, пока ее не смочит в сток».

В канцелярии пахло молотым кофе, кондиционером и дорогой бумагой. За столом из светлого дуба сидела женщина лет сорока в строгих очках в черепаховой оправе. На бейджике золотом было выведено: *«Инна Сергеевна Воропаева, помощник директора по учебно-воспитательной части»*.

Она перебрала его документы быстро, без пауз, оставляя на бланках ровные, резкие подписи.

— Итак, Лазарев. Всероссийская олимпиада, диплом первой степени по физике, второй — по математике. Похваль-

но. Лицей гордится тем, что поддерживает одаренных детей независимо от... обстоятельств. Совет попечителей выделил вам полное покрытие: обучение, проживание в кампусе, питание, базовый комплект формы.

Она открыла узкий шкаф за спиной и достала плотный темно-синий чехол на молнии. Положила на стол стопку книг и пластиковую карту-пропуск с фотографией, которую Сеня отправлял летом по электронной почте.

— Ваша комната — триста четыре, восточное крыло общежития для юношей. Пропуск универсальный: турникеты, библиотека, столовая, вход в корпус. Но помните, Лазарев: грант подтверждается каждые полгода. Если средний балл опустится ниже четырех целых и восьми десятых или возникнут проблемы с дисциплиной, финансирование аннулируется в течение сорока восьми часов. Здесь не благотворительный приют. Здесь растят будущую элиту управления и науки. Вы понимаете условия?

— Да, — тихо сказал Сеня. Голос прозвучал хрипло, он откашлялся. — Понимаю.

— Чудесно. Не опаздывайте на линейку. Ровно в одиннадцать в Атриуме. Свободны.

Сеня взял тяжелый чехол с формой, ключ-карту и вышел в коридор.

Его комната оказалась на третьем этаже нового жилого блока. Длинный коридор с мягким ковролином приглушал шаги до состояния полной тишины. Триста четвертая дверь

открылась с мягким щелчком электронного замка.

Внутри было непривычно просторно. Две кровати из светлого дерева, разделенные перегородкой из матового стекла, два рабочих стола с анатомическими креслами, панорамное окно с видом на сосновый лес и полосу озера вдаль. На второй кровати уже лежал распахнутый кожаный чемодан, из которого небрежно свисал кашемировый свитер песочного цвета. На столе соседа стоял открытый ноутбук последней модели, лежали дорогие беспроводные наушники и стоял флакон парфюма с тяжелой магнитной крышкой.

Своего соседа Сеня пока не застал.

Он аккуратно положил свою сумку на свободную койку у двери, расстегнул молнию чехла и вытащил форму. Ткань блейзера оказалась плотной, тяжелой, слегка колючей на ощупь. На лацкане серебрилась витая латинская буква «V» в обрамлении лавровых ветвей. Сеня снял ветровку, стянул старый свитер с растянутыми манжетами и надел казенную белую рубашку. Она была жесткой, накрахмаленной, пахла заводской упаковкой и сдавливала горло так, словно воротник вырезали из тонкого пластика.

Он подошел к зеркалу на дверце шкафа.

Из стекла на него смотрел бледный, слишком худой подросток семнадцати лет. Темные волосы, отросшие за лето и лежащие в вечном беспорядке, острые скулы, темные круги под серыми глазами — результат сотен ночей, проведенных над задачками Иродова и Савченко при свете настольной

лампы на кухне, пока мать спала после дежурства. Форменный пиджак сидел на нем неплохо, но в плечах ощущался чужим, заемным. Доспех, который не защищает, а лишь подчеркивает хрупкость того, кто внутри.

Дверь за спиной щелкнула и распахнулась без стука.

В комнату вошел парень — высокий, широкоплечий, со светлыми, идеально уложенными волосами и легким бронзовым загаром, какой бывает у людей, проводших август на Средиземном море. В руках он держал стаканчик с ледяным латте из лицейской кофейни.

Парень замер на пороге, скользнул взглядом по Сениной сумке «Динамо», по расправленной на кровати куртке, затем поднял глаза на самого Арсения. Взгляд был цепким, спокойным и абсолютно нечитаемым.

— Здорово, — бросил он, ногой прикрывая за собой дверь. — Ты, значит, Лазарев?

— Да. Арсений, — Сеня сделал шаг вперед, рефлекторно протягивая руку.

Парень посмотрел на его ладонь полторы секунды — ровно столько, чтобы эта заминка стала неловкой. Затем переложил стаканчик с кофе в левую руку и сухо, кончиками пальцев, коснулся руки Сени.

— Марк.

Он прошел к своей кровати, бросил ключи на стол и упал в кресло, вытянув длинные ноги в белых безупречных кедах.

— Физик, да? Из Перми или откуда там?

— Из Тосно. Под Питером.

— Один черт, — Марк пожал плечами, не вкладывая в эти слова никакой явной грубости, просто констатируя географическую бессмысленность всего, что находилось за пределами кольцевой дороги. — Сразу скажу на берегу, Арсений: я не люблю, когда трогают мои вещи. Музыка у меня в наушниках, свет после одиннадцати я гашу, если готовлюсь — не шуметь. Твоя половина — у двери. Моя — у окна. Вопросы есть?

— Нет, — спокойно ответил Сеня.

Он не ждал радушного приема. На самом деле, холодная деловитость Марка была даже удобной: никаких фальшивых улыбок, четкие границы, нулевое трение в замкнутой системе.

— Вот и отлично, — Марк взял телефон, быстро набрал голосовое: — Ром, я на месте. Заселился. Да, подселили того ботаника из квотников. Нормально, тихий вроде. Через десять минут буду внизу.

Сеня отвернулся, открыл свой шкаф и начал молча раскладывать немногочисленные вещи: три пары сменных брюк, темно-синий свитер, стопку тетрадей в плотных клетчатых обложках и увесистый потрепанный блокнот в черном ледерине — его рабочий дневник, куда он записывал нестандартные решения задач и собственные расчеты.

Атриум лицея напоминал зал ожидания футуристического аэропорта или штаб-квартиру технологической корпора-

ции. Стекланный купол на высоте трех этажей пропускал рассеянный сентябрьский свет. Внизу, на мозаичном полу из полированного мрамора, уже выстроились параллели с восьмого по одиннадцатый класс.

Здесь пахло духами, цитрусовым антисептиком и дорогим табаком — некоторые старшекласники курили прямо на открытой террасе у стеклянных дверей, не особо прячась от воспитателей. Педагоги вообще держались странно: они не одергивали учеников, не повышали голос, а общались с ними с мягкой, почти светской предупредительностью. В этой школе учителя знали: за каждым вторым подростком здесь стоит семья, способная одним телефонным звонком снять с должности директора или заморозить счета попечительского фонда.

Сеня встал в хвост колонны одиннадцатого «А».

Он сразу почувствовал невидимую, но четкую топографию класса. Они не стояли хаотично. В центре, у первых рядов, сформировалось плотное ядро — человек семь-восемь. Центром этого гравитационного поля был парень, вокруг которого всё вращалось с пугающей естественностью.

Сеня узнал его еще до того, как услышал имя.

Роман Соколовский. Его портрет висел на стенде медалистов в холле, а фамилия его отца — владельца крупнейшего строительного холдинга региона — красовалась на мемориальной табличке нового лабораторного корпуса.

Роману было семнадцать, но выглядел он старше. Тем-

но-русые волосы были небрежно зачесаны назад, темно-синий блейзер сшит с безупречным портновским шиком, а на запястье тускло поблескивал тонкий хронометр без лишней мишуры, выдававший вещь астрономической стоимости. Но дело было даже не в одежде. У Соколовского была редкая, хищная порода уверенности: он не повышал голос, не делал резких движений, улыбался открыто и тепло, но каждый, кто попадал в радиус его жестикуляции, невольно подстраивал под него свою позу, ритм дыхания и смех.

Рядом с ним стояла высокая худая девушка с прямыми черными волосами, падавшими на плечи идеально ровным каре. Ника Воронова. Ее лицо казалось высеченным из матового алебаstra: точеный профиль, холодные серые глаза, тонкие губы, тронутые темным блеском. Она держалась чуть поодаль от остальных, скрестив руки на груди, и слушала Романа с выражением вежливой скуки, в которой сквозила застарелая усталость.

— ...он обещал закрыть сессию экстерном к январю, — долетел до Сени негромкий, бархатный баритон Романа. — Отец говорит, если сдаст международный бакалавриат, сразу улетит в Лондон.

— В Лондоне сейчас тоска, — отозвался Марк, уже стоявший плечом к плечу с Соколовским. — Дожди и индусы.

Вокруг негромко рассмеялись. Роман улыбнулся уголком рта, и в этот момент его взгляд скользнул поверх голов одноклассников и зацепился за Сенью.

Это длилось не больше секунды. Сеня не отвел глаз — не из храбрости, а просто по привычке наблюдателя фиксировать точку фиксации луча. Взгляд Романа был цепким, сканирующим. Он задержался на дешевых часах Сени с треснувшим пластиковым стеклом, на слишком длинных полах пиджака, на спокойном, неподвижном лице.

Улыбка Романа не исчезла, но стала чуть тоньше. Он слегка наклонил голову, словно разглядывал под микроскопом редкий, но довольно невзрачный вид инфузории, и что-то негромко сказал Марку. Тот усмехнулся и бросил взгляд назад.

Ника Воронова тоже повернула голову. Ее холодные глаза на мгновение встретились со взглядом Сени. В них не было насмешки, как у парней. Там было нечто иное — сухое, отстраненное любопытство человека, наблюдающего за приговоренным к казни, который еще не знает о вынесенном вердикте.

Заиграл гимн лица. Директор — седовласый мужчина с академической бородкой и выправкой дипломата — поднялся на трибуну. Начались правильные, выхолощенные речи о традициях, чести, служении науке и лидерстве. Слова взлетали под стеклянный купол и падали обратно, пустые и тяжелые, как свинцовая дробь.

Сеня стоял, не шевелясь. Он смотрел в спины стоящих впереди и считал про себя колебания светового маятника, висевшего под потолком на тонком тросе. Период колебаний

зависел только от длины подвеса и ускорения свободного падения. Ни деньги, ни фамилии родителей, ни марка машины не могли изменить формулу. Это успокаивало. Законы вселенной не брали взятки.

Первый урок был физикой.

Кабинет превосходил самые смелые ожидания Сени. Это была не просто аудитория, а исследовательская лаборатория университетского уровня: ряды ступенчатых парт из темного дерева, интерактивные панели, цифровые осциллографы на каждом лабораторном столе, вакуумные камеры и спектрометры в стеклянных шкафах вдоль стен.

Учитель — Павел Андреевич Громов, сухой, подтянутый старик с колючим взглядом из-под кустистых бровей — вошел в класс ровно со звонком. Никаких приветствий, никаких сантиментов. Он бросил журнал на кафедру и сразу повернулся к доске.

— Одиннадцатый класс. Год итоговых испытаний. Тех, кто рассчитывает проскочить на авторитете родителей или прошлых заслугах, предупреждаю сразу: на моих парах фамилии не работают. Работает только термодинамика и электродинамика. Садитесь.

Класс зашуршал тетрадями. Сеня сел на предпоследний ряд у окна. Место рядом с ним осталось пустым — никто не изъявил желания делить парту с «новеньким из квотников». Марк сел с парнем по имени Глеб — плотным, с короткой стрижкой и золотой цепочкой, видневшейся в расстегнутом

вороте поло. Роман сел на третьем ряду прямо по центру, Ника — на первом, перед самым столом учителя.

— Начнем с разминки, — Громов взял электронное перо, и на гигантской сенсорной панели вспыхнула схема: нелинейная цепь с туннельным диодом и переменной индуктивностью. — Задача из прошлогодней международной олимпиады. Нестационарный процесс. Найти зависимость затухания колебаний от времени при скачке внешнего потенциала. Кто готов порассуждать у доски?

В классе повисла тишина. Тяжелая, вязкая пауза. Сеня видел, как напряглись плечи Марка, как Глеб уткнулся в экран своего смартфона, делая вид, что ищет формулу. Роман сидел расслабленно, слегка покачивая ручкой, но к доске не рвался: он знал меру своему риску. Одно дело — блистать на семинарах по праву и экономике, другое — лезть под каток Громова в высшей математике.

— Что, господа будущие лидеры списка Форбс? — язвительно прищурился Громов. — За лето формулу емкости забыли? Соколовский?

Роман поднялся со своего места — плавно, без тени испуга.

— Павел Андреевич, здесь классическое уравнение второго порядка не сработает из-за падающего участка вольт-амперной характеристики диода. Нужно вводить фазовую плоскость и искать предельный цикл через метод малого параметра Ван дер Поля. Но аналитически в общем виде это

займет не меньше сорока минут, проще составить численную модель.

Ответ был красивым, гладким и демонстрировал превосходную эрудицию. Но он был уходом от ответа. Соколовский обошел расчет по касательной, выдав теорию за решение.

Громов хмыкнул.

— Красиво излагаешь, Роман. На дипломатическом приеме сошло бы за триумф. Но мне нужен точный аналитический критерий устойчивости при малых отклонениях. Без численных моделей. Садись, четыре с минусом за попытку.

Соколовский сел. Его лицо не изменилось ни на миллиметр — всё та же легкая, доброжелательная полуулыбка, но Сеня, сидевший наискосок сзади, заметил, как побелели костяшки пальцев Романа, сжавших корпус металлической ручки.

Взгляд учителя скользнул по рядам и уперся в дальний угол.

— Новенький. Лазарев. Ты у нас победитель Всероса? Выходи. Покажи столичным мальчикам, чем дышит провинция.

В этой фразе Громова не было сочувствия к Сене. Старый преподаватель просто использовал его как дубину, чтобы сбить спесь с мажоров. Сеня внутренне сжался. Это было худшее, что могло произойти в первый день: оказаться инструментом в чужой педагогической порке.

Он молча встал, вышел к панели и взял стилус. Рука была

холодной, но когда наконецник коснулся экрана, мир привычно сузился до точки. Исчезли сосны за окном, исчез язвительный прищур учителя, исчезли насмешливые взгляды со второго ряда. Осталась только система дифференциальных уравнений.

Сеня не стал расписывать громоздкие приближения.

— Если сделать замену переменной через энергию запятого магнитного поля, — тихо начал он, выводя четкие, аккуратные символы, — нелинейность диода компенсируется на первой итерации. Мы получаем квазигармоническое приближение.

Стилус летал по панели. Сеня писал быстро, пропуская тривиальные алгебраические преобразования, оставляя только скелет доказательства. Три строчки. Четыре.

— ...отсюда условие затухания сводится к знаку производной импеданса в рабочей точке. Система устойчива, если тангенс угла наклона меньше критического значения добротности контура. Вот ответ.

Он положил перо на подставку и замер, опустив руки по швам.

В кабинете стояла абсолютная, звенящая тишина. Громов подошел к доске, взгляделся в формулы, пожевал губами, затем медленно перевел взгляд на Арсения.

— Оригинально. Решение через фазовый инвариант. Где нахватался?

— В журнале «Квант» за восемьдесят шестой год. Статья

Мигдала.

— Садись, Лазарев. Пять. Единственная пятерка в этом журнале за сегодня.

Сеня пошел на свое место. Он старался смотреть прямо перед собой, но боковым зрением чувствовал, как меняется плотность воздуха вокруг него. Это было физически ощутимо. Воздух стал вязким, холодным и опасным.

Когда он проходил мимо парты Романа, тот даже не повернул головы. Соколовский смотрел в свой пустой блокнот, аккуратно выводя на полях идеальные геометрические спирали. Но Марк смотрел в упор — жестко, с неприкрытой злостью. А Ника Воронова медленно проводила кончиком пальца по краю парты, и ее темные брови были слегка сдвинуты к переносице.

Сеня сел на стул, открыл тетрадь и уставился на чистый лист.

Сердце стучало в ребра тяжело и гулко. Он допустил ошибку. Самую грубую, непростительную ошибку для замкнутой биологической системы: он нарушил гомеостаз. Он показал превосходство там, где главным правилом выживания было оставаться невидимым фоном.

После занятий кампус погрузился в сумеречную синеву. Зажглись матовые фонари вдоль аллей, бросая длинные тени на мокрый гравий. В воздухе отчетливо запахло гарью от каминов главного корпуса и влажной сосновой корой.

Сеня решил пропустить ужин в общей столовой. Мысль

о том, чтобы сидеть под десятками оценивающих взглядов с подносом в руках, вызывала у него почти физическую тошноту. Вместо этого он достал из сумки помятые мамины пирожки, съел два, запивая холодной водой из-под крана, и взял куртку. Ему нужно было выйти. Почувствовать масштаб пространства, где нет стен, потолков и чужих статусных меток.

Он спустился по черной лестнице, вышел через боковую дверь спорткомплекса и по тропинке между вековыми соснами направился к озеру.

Берег был пустынным. Длинный дощатый пирс уходил в черную, неподвижную воду метров на тридцать. В конце пирса покачивалась на привязи пара академических лодок-одиночек, накрытых серым брезентом. Туман над озером стоял плотной стеной, скрывая противоположный берег, так что казалось, будто доски упираются прямо в край земли, за которым нет ничего, кроме пустоты и холодного пара.

Сеня дошел до самого края пирса, сел на деревянный кнехт и сунул руки в карманы куртки.

Здесь было тихо. Настоящая, абсолютная тишина, в которой слышался только редкий всплеск сонной рыбы да скрип мокрого дерева под набегающей рябью. Он закрыл глаза, пытаясь упорядочить мысли.

План оставался прежним: не реагировать, учиться, держать максимальный балл, забрать диплом через десять месяцев и уехать в Москву, в МФТИ, в общежитие в Долгопруд-

ном, где никого не волнует цена твоих кроссовок, пока ты можешь взять интеграл по замкнутому контуру. Нужно просто перетерпеть. Запереться внутри себя, выставить коэффициент трения на ноль, стать идеальным абсолютно твердым телом, не вступающим в реакции.

— Красиво решил у Громова.

Голос прозвучал негромко, без насмешки, но Сеня вздрогнул. Он не слышал шагов по деревянному настилу.

Обернувшись, он увидел Нику Воронову.

Она стояла в трех шагах от него, кутаясь в длинное черное пальто из тонкой шерсти. Ветер трепал темные пряди ее каре, бросая их на бледное лицо. В тонких пальцах она держала тонкую сигарету с белым фильтром; крошечный огонек тлел во влажном воздухе, роняя серый пепел на мокрые доски пирса.

Сеня медленно поднялся. Он не знал, как себя вести. Правила приличия требовали ответа, но инстинкт самосохранения кричал, что нужно уйти.

— Обычная задача, — сказал он нейтрально. — Просто метод нестандартный.

Ника усмехнулась — горько, одними уголками губ, и сделала затяжку. Тонкая струйка ароматного, ванильного дыма поплыла в сторону озера.

— Дело не в методе, гений. Дело в том, как ты это сделал. Ты вышел и за две минуты вытер ноги об авторитет Ромы. Публично. На глазах у всего класса.

— Я просто ответил на вопрос учителя. Меня вызвали.

— Здесь нет «просто ответил», Лазарев, — она подошла ближе, встала у самого края перил и посмотрела вниз, на темную воду. — В этой школе любая мелочь — это заявление. Ты либо часть свиты, либо ресурс, либо пустое место. Быть пустым местом здесь безопасно. Тебя не замечают, ты существуешь на правах мебели. Но ты только что заявил, что ты умнее человека, чья семья держит четверть акций попечительского фонда этой богадельни.

— И что он сделает? — Сеня посмотрел на нее прямо. — Пожалуется отцу? Заставит поставить мне двойку? Физика — это не литература, здесь нельзя занижить оценку за «неправильное понимание автора». Ответ либо сходится, либо нет.

Ника повернула к нему голову. В ее темных глазах отражались тусклые огни береговых фонарей, и в этом взгляде Сеня впервые увидел то, что скрывалось за безупречным фасадом лучшей ученицы школы: глухой, въевшийся под кожу страх и бесконечную усталость.

— Ты правда ничего не понимаешь, да? — тихо произнесла она. — Рома никогда не жалуется взрослым. Это не его уровень. Он работает тоньше. Он находит трещину. В оценках, в вещах, в прошлом, в семье. Находит и начинает давить. Медленно, день за днем, с самой очаровательной улыбкой на лице. Пока ты сам не сломаешься. Пока ты не начнешь молить о том, чтобы тебя перевели в вечернюю школу

для умственно отсталых, лишь бы не заходить в этот класс.

— Зачем ему это? — Сеня нахмурился. — Ему семнадцать лет. Какая власть? Какой слом? Это же просто школа. Мы уйдем отсюда через девять месяцев.

Ника затушила сигарету о металлический столбик ограждения и щелчком отправила окурок в черную гладь озера. Вода сомкнулась над ним беззвучно.

— Для тебя это школа, Лазарев. Трамплин. А для Ромы это тренировочный полигон. Он учится управлять людьми здесь, на нас. На тех, кто слабее, и на тех, кто пытается быть независимым.

Она сделала паузу, словно решаясь сказать что-то еще, но передумала. Засунула руки в карманы пальто и сделала шаг назад, по направлению к берегу.

— В прошлом году здесь учился один парень. Тоже стипендиат, из биологов. Звали Денис. Очень способный, статьи писал. Он тоже думал, что законы природы сильнее законов стаи.

— И где он? — спросил Сеня в спину уходящей девушке. Ника остановилась на секунду, не оборачиваясь.

— В ноябре он бросился под пригородный поезд на станции в двух километрах отсюда. Сказали — несчастный случай, шел в капюшоне и наушниках. Отец Ромы оплатил похороны и поставил гранитный памятник за свой счет. Очень благородно вышло.

Она пошла по пирсу. Стук ее каблучков по мокрым доскам

удалялся, пока не растворился в густом шуме вековых сосен.

Сеня остался стоять один на самом краю.

Холодный ветер с озера пробирал до костей, просачивался сквозь ткань ветровки, но он не двигался. Слова Ники зависли в тумане, тяжелые и липкие, как сырая глина. Он посмотрел на свои руки — длинные худые пальцы, привыкшие держать логарифмическую линейку и паяльник.

«Замкнутая система, — повторил он про себя, словно пытаясь защититься этой формулой, как заклинанием. — Любая система стремится к минимуму потенциальной энергии. Они не посмеют. Это просто слова запуганной девочки».

Но где-то под солнечным сплетением, в той самой точке, где сходятся все нервные узлы, зародился тонкий, холодный холодок. Сеня развернулся и быстрым шагом пошел к светящимся окнам жилого корпуса.

В комнате триста четыре горел только настольный светильник.

Марк спал или делал вид, что спит, отвернувшись к стене и натянув одеяло до самого уха. Его дыхание было ровным, чересчур размеренным.

Сеня тихо разделся, стараясь не скрипеть дверцами шкафа, повесил форму на плечики и лег на узкую кровать. Постельное белье было шелковистым, дорогим, пахло незнакомым кондиционером с ароматом лаванды. Чужой запах. Чужой дом.

Он вытащил из кармана телефон, чтобы поставить бу-

дильник на шесть утра, и увидел, что экран мигает от входящего уведомления.

Его добавили в общий закрытый чат параллели одиннадцатых классов — *«Верховино. Выпуск 2027»*.

Сеня разблокировал экран.

Последнее сообщение в ленте появилось ровно три минуты назад. Это была фотография.

Снимок был сделан издалека, через длиннофокусную оптику с подсветкой ночного режима: Сеня стоит на краю пирса, а перед ним в полуобороте застыла Ника Воронова, роняющая окурки в воду. Ракурс был выбран так мастерски, что казалось, будто между ними происходит напряженный, интимный диалог.

Под фотографией стояла короткая подпись от пользователя с ником *R.S.* — Сеня сразу понял, чьи это инициалы:

«Кажется, у нас в классе появился смельчак, который любит глубокие погружения в чужую воду. Добро пожаловать на борт, Арсений. Посмотрим, сколько воздуха в твоих легких».

Снизу уже пестрели первые реакции: смеющиеся смайлы, эмодзи костров, черепов и лаконичный комментарий от Марка: *«Акваланг не выдаем»*.

Сеня медленно опустил телефон на прикроватную тумбочку экраном вниз.

Темнота в комнате сгустилась. За окном монотонно и злобно шумели сосны, раскачиваемые нарастающим осен-

ним ветром. Давление в системе начало расти, и Сеня впервые в жизни понял, что никакие формулы не способны рассчитать предел прочности, когда разрушение идет не снаружи, а изнутри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.